

КУРС: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ТЕМА 3. ИСТОРИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Лекция 3.3. Демографическая революция и современный тип рождаемости

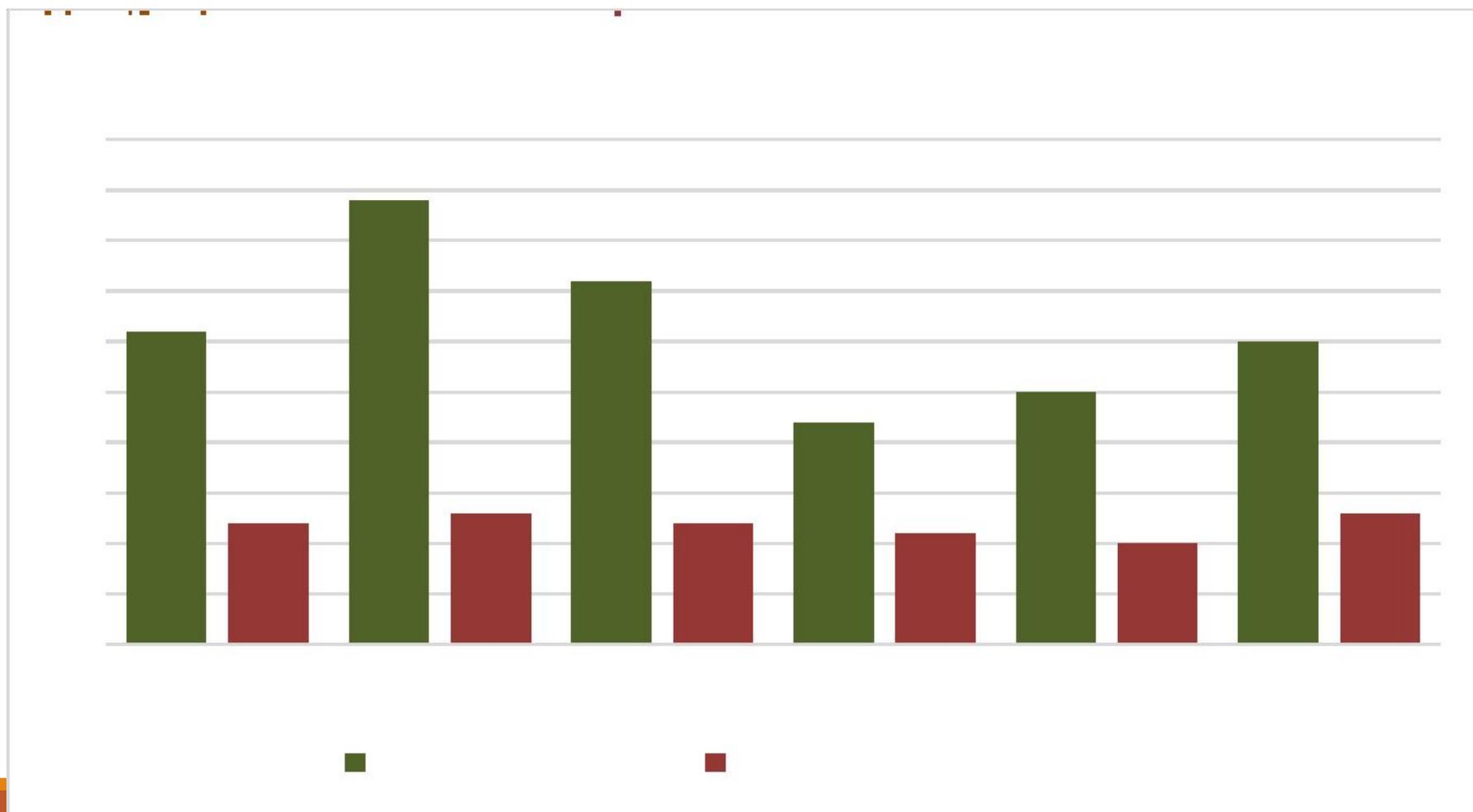
2017-2018

План лекции

- 3.3.1. Кризис традиционного демографического равновесия
- 3.3.2. Неомальтузианская революция
- 3.3.3. «Вторая контрацептивная революция»
- 3.3.4. Снижение рождаемости в развитых странах
- 3.3.5. Низкая рождаемость и воспроизводство населения
- 3.3.6. Прокреативная мотивация
- 3.3.7. Глобальные детерминанты низкой рождаемости
- 3.3.8. Социальное управление рождаемостью и социокультурный отбор
- 3.3.9. Социальное управление рождаемостью и демографическая политика

3.3.1. Кризис традиционного демографического равновесия

Традиционная смертность и традиционная рождаемость существовали на протяжении тысячелетий и были «подогнаны» друг к другу таким образом, что, несмотря на возможные колебания, иногда даже значительные, в долговременном плане обеспечивалась достаточная устойчивость численности населения.

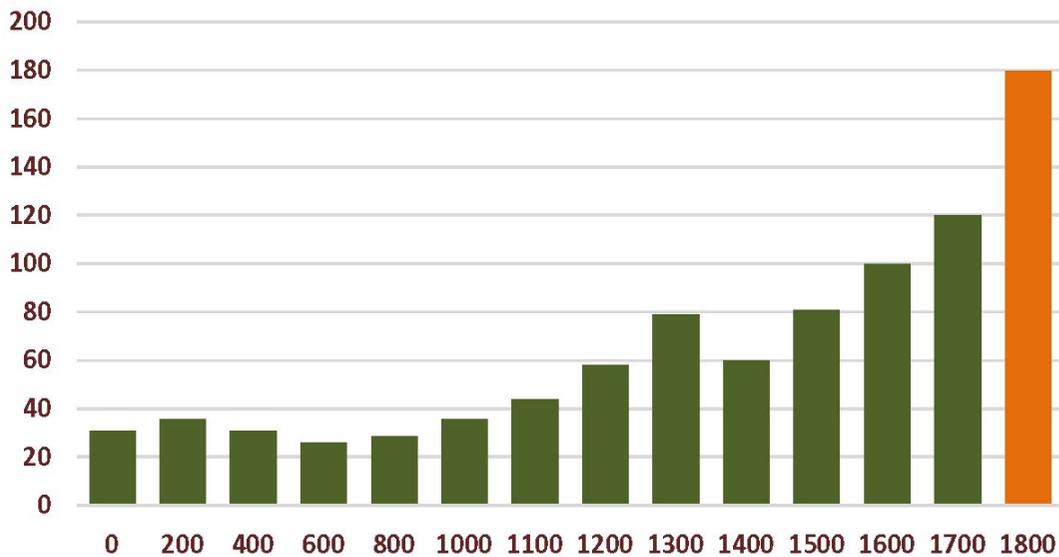

Снижение смертности в Европе во второй половине второго тысячелетия , вначале очень медленное, постепенно нарастало, заметно ускорилось в XIX в. и привело, в конце концов, к эпидемиологическому переходу, утверждению новой эпидемиологической модели смертности и небывалому росту средней продолжительности жизни.

Это достижение, ставшее одним из ярчайших проявлений прогрессивности всей совокупности европейских экономических и социальных перемен, в то же время означало **кризис всей системы тысячелетнего демографического равновесия.**

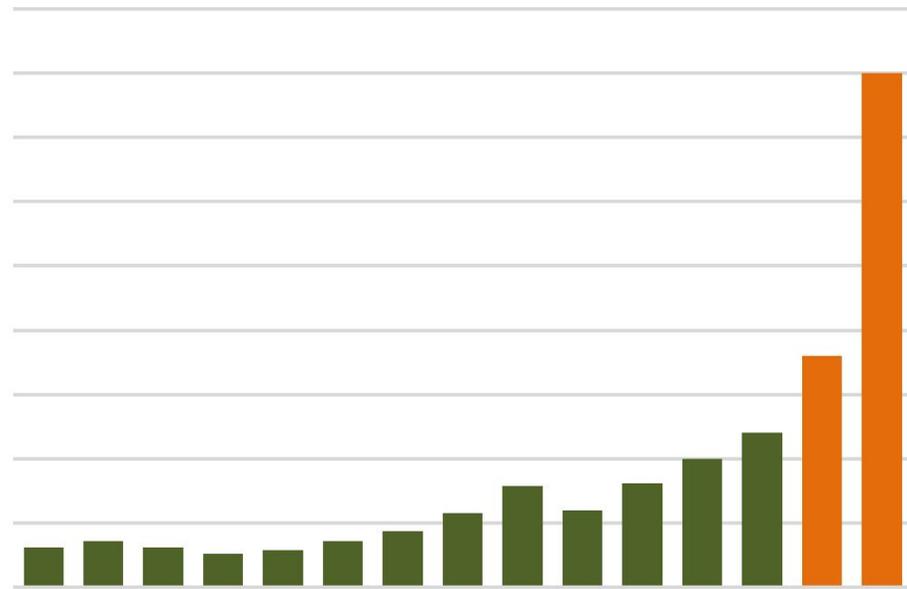
В чем проявлялся этот кризис?

Ускорение роста населения Европы в XVIII в.
Европа до Урала, млн человек

Начавшееся снижение смертности привело к ускорению роста населения Европы, хотя это было осознано не сразу.

Б. Урланис: Еще в XVIII в. направление динамики населения было неясно. Так, например, Монтескье, Кенэ и Мирабо-отец полагали, что население непрерывно убывает... Лишь в конце XVIII в. факт роста населения стал ясен большинству современников.

Но еще до того, как был осознан рост населения Европы в целом, европейское общество, вначале в лице некоторых социальных слоев, ощутило нарастающие проблемы, связанные со стоявшим за ускорением роста населения выживанием большего числа детей в семье, появлением все большего числа избыточных, «лишних» людей, которым не хватало земельных владений, наследств, привычных «мест под солнцем».

Первоначально демографический ответ на эту новую ситуацию был дан в рамках традиционных демографических отношений – таким ответом стала поздняя европейская брачность.

«Европейская» брачность представляла собой попытку решить новые задачи, не меняя типа демографического поведения. Какое-то время эта попытка казалась успешной.

Она предполагала сохранение традиционной сцепленности матримониального, сексуального и прокреативного поведения и традиционного недопущения свободы индивидуального прокреативного выбора.

Но по мере того, как снижение смертности набирало силу, становились все более ясными и ограниченные возможности европейской брачности как регулятора рождаемости.

Новизна ситуации заключалась в том, что историческое развитие впервые сделало возможной эффективную борьбу со смертью и тем самым лишило смертность роли главного регулятора воспроизводства населения. **Эта роль перешла к рождаемости**, и общество оказалось перед необходимостью поиска новых механизмов поддержания демографического равновесия уже с помощью воздействия на рождаемость.

В конечном счете, эта никогда не встречавшаяся в прошлом ситуация сделала необходимым переход к демографическим отношениям нового, совершенно иного, чем прежде, типа. Теперь они должны устойчиво обеспечивать достижение иной, чем прежде, цели, и это требует иных, чем прежде, методов.

Прежние задачи регулирования рождаемости

В условиях высокой слабо контролируемой смертности объективной целью демографического регулирования, отраженной в культурных нормах, всегда была высокая рождаемость. Главной задачей было **ограничение рождаемости снизу**, тогда как ее ограничение сверху, которое также имело место, играло вспомогательную роль.

Новые задачи регулирования рождаемости

Снижение смертности сделало прежнюю ориентацию на высокую рождаемость ненужной и даже опасной. Общество оказалось перед необходимостью значительного снижения рождаемости и стало искать пути такого снижения, **ограничения рождаемости сверху**.

В обществе нарастал запрос на какие-то иные формы регулирования рождаемости. Ответом на этот запрос стало распространение **регулирования рождаемости в браке**. «Европейская» брачность оказалась преходящим этапом, и постепенно утратила смысл.

Социальный контроль рождаемости все больше принимал форму ее **внутрисемейного регулирования**. Это означало, что с макроуровня, на котором такой контроль осуществлялся всегда (одинаковые для всех, общеобязательные нормы демографического поведения), он переходит на микроуровень, на уровень семьи.

А это, в свою очередь, означало **признание свободы индивидуального прокреативного выбора**.

Ограничение потомства на индивидуальном уровне с помощью детоубийства, абортов или других методов существовало всегда, но лишь в качестве дополнительного и обычно «теневого» механизма, главным регулятором демографической динамики была смертность.

Когда же началось быстрое снижение детской смертности, механизм ограничения потомства на индивидуальном уровне должен был превратиться из дополнительного в основной, что противоречило нормам, традиционной морали и массовой традиционной практике.

Переход от старой парадигмы – запрета «прокреативной свободы» к новой парадигме, узаконивающей такую свободу, потребовал настоящей революции.

3.3.2. Неомальтузианская революция

Эта революция не могла, конечно, привести к реабилитации детоубийства - в христианской Европе это было невозможно. Но она должна была вывести из тени также социально недозволенную прежде практику применения abortивных или противозачаточных средств, использование которых **противоречило традиционной «сцепленности» матримониального, сексуального и прокреативного поведения.** Европейские общества не сразу смогли принять эту небывалую социальную и культурную инновацию.

Альфред Сови: «Поставленная вне общества практика применения противозачаточных средств была приравнена к пороку подобному содомии. Даже атеисты XVIII клеймили это насилие над законами природы».

В подавляющем большинстве случаев первоначальная реакция **на саму идею планирования числа рождений самой семьей** со стороны государства, церкви, традиционалистски настроенного большинства населения оказывается негативной. Западная культура была первой, столкнувшейся с попытками распространения этой традиционно запретной практики, и приняла ее далеко не сразу.

Слитность трех видов поведения строго охранялась традиционными культурными нормами и никогда не ставилась под сомнение. **И именно против нее впервые выступили открыто английские сторонники «контроля рождаемости» (“*birth control*”), позднее получившие название неомальтузианцев.**

Однако первой страной, в которой новый тип прокреативного поведения постепенно получил массовое распространение, стала Франция.

А. Соби:

а) в XVII в. забота о предотвращении рождений должна была существовать в некоторых дворянских или буржуазных семьях. Хотя эффективность этой практики и нельзя недооценивать, она была все же очень ограниченной;

б) в XVIII в. эта практика распространяется достаточно широко, что привлекает внимание различных авторов начиная с 1750 г.;

в) примерно с 1775 г. результаты этой практики обнаруживаются в национальной статистике. Выборочная и ограниченная статистика, относящаяся к правящим классам, указывает на такие результаты еще раньше.

Поначалу практика предотвращения рождений распространяется в семьях, принадлежавших к верхним слоям европейского общества – аристократии и буржуазии.

Уже во второй половине XVII в. число рождений в семьях европейской аристократии заметно сокращается за счет того, что женщины прекращают рожать детей во все более молодом возрасте: **средний возраст при рождении последнего ребенка опускается до 31,2 года, а во второй половине XVIII в. – до 25,1 года.** А в семьях женеvской буржуазии сдвиг произошел позднее, однако уже в первой половине XVIII в. средний возраст при рождении последнего ребенка и у них опустился до 31,5 года, а число рождений снизилось с 5,9 в конце XVII в. до 3,5 (первая половина XVIII в.)

Отношение к ограничению числа рождений и во Франции было неоднозначным

Ж. Ж. Руссо (1762): «**Основываясь на том, что существует какая-нибудь сотня больших городов, где женщины, ведя распущенный образ жизни, производят на свет мало детей, вы утверждаете, что для женщины естественно иметь мало детей! Но что стало бы с вашими городами, ежели бы удаленные от них деревни, где женщины ведут более чистую жизнь, не возмещали ущерб в народонаселении, наносимый бесплодными дамами?... Разве для женщины не естественно быть матерью? И разве материнство не охраняется основными законами природы и существующими обычаями?»**

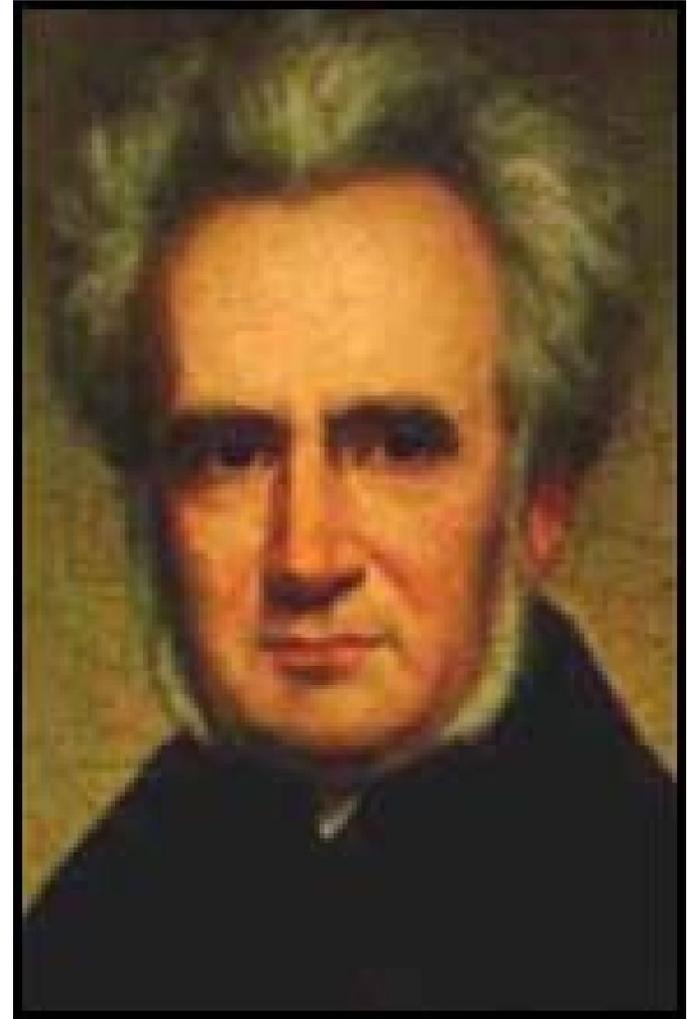
Вольтер (1764): «Вот уже несколько лет много говорят о населении. Я отважусь высказать одно соображение. Наша главная забота заключается в том, чтобы люди, которые живут, были счастливы настолько, насколько это позволяет человеческая природа и огромное различие между разными положениями в жизни. Но если мы не смогли еще обеспечить это счастье людям, к чему так стремиться к увеличению их числа? Не для того ли, чтобы создать новых несчастных? Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительства хотят умножения народа».

Долгое время Франция как страна массового распространения внутрисемейного регулирования рождаемости оставалась единственным исключением в Западной Европе, да и во всем мире.

Только к самому концу XIX в. экономическое, социальное и политическое развитие, движение за эмансипацию женщины, успехи естественных наук подточили здание традиционной морали в большинстве стран Западной Европы, ослабили влияние религии и сделали возможным переход населения этих стран к новому, автономному («расцепленному» с матримониальным и сексуальным поведением) прокреативному поведению.

У истоков неомальтузианской пропаганды стоял англичанин, младший современник Мальтуса, деятель рабочего движения Фрэнсис Плейс, отец 15 детей.

Плейс был на 5 лет моложе Мальтуса. В 1822 г., когда ему было уже больше 50 лет, он издал книгу *The Principles of Population*, в которой пропагандировал методы предотвращения зачатия (coitus interraptus и вагинальные барьерные методы).

Фрэнсис Плейс (1771-1854)

Вскоре у него появились последователи, в частности, **Ричард Карляйль** в Англии и **Роберт Дэйл Оуэн**, сын знаменитого социалиста-утописта Роберта Оуэна, в США. Постепенно у новых методов ограничения деторождения появлялось все больше сторонников, их движение набирало силу.

Среди активистов неомальтузианства середины XIX века выделяются Джордж Дриздейл с его вышедшей в 1854 году работой The Elements of Social Science («Начала социальных наук») и философ Чарльз Брэдлоу. Именно Брэдлоу принадлежит инициатива создания в 1861 году Мальтузианской лиги, которая в 1870-е годы приняла название «Неомальтузианской».

В 1877 году, после того, как за публикацию книги **Чарлза Нолтона**, в которой пропагандировался контроль рождаемости и защищалось **право женщины на аборт** (впервые она вышла анонимно в Америке в 1832 г.), ее английский издатель был осужден на два года тюрьмы, Брэдлоу и известная общественная деятельница **Анни Безант** демонстративно переиздали ее. Тема контроля над рождаемостью стала предметом общественной дискуссии. Число публикаций о противозачаточных средствах резко возросло — как и их популярность, хотя преследования за их распространение продолжались, в обстановке викторианской Англии его осуждала большая часть медицинского сообщества, называя методы контрацепции и соответствующие публикации «грязными» и «непристойными».

Тем не менее «неомальтузианская» практика распространялась и становилась все более рутинной и массовой.

К последней четверти XIX века в индустриальных странах уже были описаны, производились и распространялись все известные сегодня методы контроля рождаемости, за исключением гормональной контрацепции. Производство спермицидов, презервативов из синтетических материалов, вагинальных барьерных средств в конце XIX века быстро увеличивалось, хотя еще и в начале XX века преобладали традиционные методы контроля над рождаемостью, такие, как *coitus interruptus* и аборт.

Аборт оставался запрещенным, но уже в XIX веке многие западные страны столкнулись с увеличением числа нелегальных абортов. В городах США, Англии, Франции и других западных стран услуги по прерыванию беременности широко рекламировались и, видимо, были неплохим источником дохода. По некоторым оценкам, во второй половине XIX века в США абортом заканчивалась каждая пятая беременность.

Проблема нелегальных абортов существовала и в России. «Кого заставляет нужда, тот и при современном официальном законе делает себе выкидыш, но попадает в руки, из которых дорога или в больницу, или в могилу» (1914)

Сопротивление «неомальтузианству» в России было не меньшим, чем в Англии, хотя в России сильнее звучала «государственническая» аргументация.

Выступление на 3-м Пироговском съезде русских врачей (1889): «Дорожа могуществом и ростом своей нации, следует отказаться от всех средств, так или иначе предупреждающих беременность».

Выступление на 12-м Пироговском съезде русских врачей (1913): «Интересы государства — прирост населения. В интересах государства неомальтузианство должно рассматриваться так же, как преступление».

Все же окончательное постановление 12-го съезда гласило:

«1) Искусственные выкидыши... представляют собой зло, но борьба с ними должна вестись в области государственных и специальных реформ, а не карательных мер.

2) Нынешнее законодательство об абортах не соответствует требованиям времени и должно быть пересмотрено...»

Обсуждение на 12-м Пироговском съезде вызвало реакцию Ленина. Она была несколько двусмысленной: с одной стороны, - осуждение неомальтузианства, «этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой», с другой - требование «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п.».

Споры между сторонниками и противниками контроля рождаемости с новой силой вспыхнули в период между двумя мировыми войнами.

Вопрос, имеет ли женщина право распоряжаться своим телом, равно как и эмбрионом своего ребенка, широко обсуждался с юридической, этической и биологической точек зрения. За предоставление больших прав в сфере контроля рождаемости выступали, прежде всего, феминисты и представители левых партий и движений.

В 1920-е годы в США была создана Американская лига по контролю рождаемости (American Birth Control League), в Англии - Национальный совет по контролю рождаемости (National Birth Control Council), переименованный позднее в Ассоциацию планирования семьи (Family Planning Association). Их деятельность неизменно встречала противодействие со стороны защитников традиционной морали, церкви большинства конфессий и т.д. Сторонники планирования семьи подвергались арестам (во многих странах существовал закон, запрещающий распространение информации о регулировании рождаемости), их сочинения клеймились церковью и прессой как «аморальные» и «непристойные».

Отношение законодательства к аборту в разных странах было не одинаковым и непоследовательным.

В 1920 г. в СССР разрешили аборт, а во Франции, напротив, ужесточили, сделав его уголовно наказуемым деянием. СССР и Германия пережили период либерального отношения к аборту, а затем, в 1930-е годы, в обеих странах аборт был запрещен и строго преследовался. Во время войны в Германии и даже во Франции, где наказание за аборт тоже ужесточили, были случаи смертной казни за производство аборта.

Противоречивым было и отношение к контрацепции.

Среди активных противников такого контроля были католическая церковь и тоталитарные политические режимы.

В 1930 г. папа Пий XI своей энцикликой *Casti Connubii* (О целомудренности брака) запретил супругам прибегать к каким бы то ни было способам предотвращения зачатия, кроме периодического воздержания.

В Германии к концу 1920-х годов почти во всех больших городах существовали центры консультирования по вопросам контрацепции, а в 1933 г. более 15 общественных организаций слились в Национальную ассоциацию контроля над рождаемостью. Но после прихода к власти Гитлера все консультативные центры по вопросам секса и брака были ликвидированы.

Но уже тогда стойкое неприятие свободы индивидуального прокреативного выбора консервативной частью промышленно-городских обществ парадоксальным образом сочеталось со стремительным расширением практики такого выбора, **высокая неконтролируемая рождаемость в странах Европы, Северной Америки, других странах европейского заселения, в Советском Союзе исчезала на глазах.**

3.3.3. «Вторая контрацептивная революция»

Признание свободы индивидуального выбора в сфере прокреации стало ответом на изменившиеся условия поддержания демографического равновесия и сделало возможными массовую практику внутрисемейного регулирования деторождения и, как следствие, огромное снижение рождаемости.

Однако для того, чтобы такая практика действительно приобрела массовый характер, одной культурной санкции недостаточно. Нужны были и соответствующие технические средства.

Первые неомальтузианцы, пропагандируя ограничение рождаемости в браке, отстаивали право на аборт и рекомендовали известные им способы предотвращения зачатия.

Поначалу они могли распространять только ту информацию о методах регулирования рождаемости, «планирования семьи», которая была накоплена за долгие тысячелетия человеческой истории.

По мере того, как «неомальтузианское поведение» становилось все более распространенным, все лучше осознавалось и несовершенство имеющихся методов, унаследованных от прошлого, либо, в случае аборта, их моральная неприемлемость или сопряженная с их применением опасность для здоровья.

В начале XX в. все еще преобладали традиционные методы контроля над рождаемостью, такие, как *coitus interruptus* и искусственный аборт.

Но по мере того, как автономное прокреативное поведение получало все большее распространение, **формировался и запрос общества на более совершенные, эффективные и морально приемлемые методы индивидуального контроля рождаемости**, в частности, на простые и надежные методы контрацепции, которые позволили бы отказаться от массовой практики искусственного аборта.

Уже в первой половине XX в. шла упорная работа по совершенствованию средств контрацепции.

В 1930-е годы получило некоторое распространение так называемое «кольцо Граффенберга», изготовлявшееся из гибкой серебряной проволоки, помещавшееся в полость матки.

Граффенберг работал в Германии, после прихода Гитлера к власти ему пришлось уехать из страны. Однако поиски более надежных и эффективных противозачаточных средств велись во многих странах, и они не прекращались.

В 1952 г., независимо друг от друга, Ишихама в Японии и Оппенхаймер в Израиле опубликовали данные об успешном применении **внутриматочных колец**, и с этого времени началось их широкое распространение. Японцы впервые использовали для их изготовления пластмассу, не оказывающую вредного воздействия на организм женщины.

Еще одним прорывом стало создание **гормональной контрацепции**.

Ее появление связано с работами австрийского физиолога Людвиг Хаберландта, который в 1931 г. предложил применять в качестве противозачаточных средств женские половые гормоны. Но реализовать эту идею стало возможно только после того, как американец Руссель Е. Маркер в 1942 г. синтезировал женский половой гормон прогестерон, а другой американец Жорж Пинкус в 1952 г. предложил использовать прогестерон с целью предохранения от нежелательной беременности.

В 1960 г. противозачаточные таблетки на основе прогестерона были разрешены для повсеместного применения.

Появление внутриматочных и гормональных противозачаточных средств было революцией в технологии предупреждения беременности, но эта технологическая революция стала ответом на сформировавшийся запрос общества, благодаря чему новые методы регулирования деторождения распространились почти мгновенно.

К этому времени принесла плоды борьба за право женщины и семьи на свободу прокреативного выбора, которая велась уже полтора столетия и в которой объединились разные политические и общественные движения – неомальтузианцы, феминистки, врачи (которые видели, к чему приводят нелегальные аборты) и многие другие. В западных странах и в Японии стало распространяться более либеральное законодательство в отношении аборта и контрацепции. Примером может служить закон Неверта (Ioï Neuwirth, 1967), легализовавший контрацепцию во Франции.

Travaux et Documents
Cahier n° 117

Henri LERIDON

Y. CHARBIT, P. COLLOMB, J.P. SARDON, L. TOULEMON

•

LA SECONDE RÉVOLUTION CONTRACEPTIVE

La régulation des naissances en France de 1950 à 1985

Institut National d'Études Démographiques

puf

То, что произошло в Европе и в США в 1960-е – 1970-е годы в области производства и применения противозачаточных средств, иногда называют **«второй контрацептивной революцией»**.

Это название не совсем точно, потому что оно отводит роль «первой» подобной революции изменениям, происходившим в Европе на протяжении двух предшествующих столетий и приведшим к массовому распространению практики внутрисемейного ограничения рождаемости.

Эта «первая» революция действительно совершилась, но ее трудно назвать «контрацептивной», потому что она, в значительной мере, опиралась на использование искусственного аборта. Неомальтузианцы пропагандировали противозачаточные средства и требовали свободы аборта, а правительства запрещали и то, и другое.

Теперь же речь шла именно о прорыве **в области контрацепции**, который **лишил смысла** прежние **методы борьбы с абортом**, основанные на его **криминализации**.

Появление внутриматочных и гормональных противозачаточных средств было революцией в технологии предупреждения беременности, а их доступность и надежность **резко понизили спрос на аборт**, **маргинализировали его**. Аборт в развитых странах разрешен, но к нему прибегают относительно редко, как правило, при **возникновении непредвиденных обстоятельств**.

Благодаря контрацептивной революции, во второй половине XX в. в тех странах, где она произошла, наконец, возобладала тенденция декриминализации аборта, все в большем числе стран законодательные запреты на производство аборта отменялись, хотя были и рецидивы возврата к репрессивному законодательству, например, в **Румынии** во времена Чаушеску. В 1993 г. аборт был запрещен в **Польше**. С 2012 г. в **Венгрии** действует новая Конституция, согласно которой жизнь человека начинается с зачатия, что, фактически, приравнивает аборт к убийству.

Появляются предложения о запрете аборта и в России, хотя число абортов быстро снижается без всяких запретов.

Кто вынашивает запрет на аборт

Станем ли мы страной, где проблему рождения ребенка доверят самой женщине, а не депутату или священнику

 [Анатолий Вишневский](#)

Об авторе: Анатолий Григорьевич Вишневский – директор Института демографии НИУ ВШЭ.

Важность контрацептивной революции трудно переоценить. Историческое развитие сделало необходимым признание свободы прокреативного выбора, в обществе возник запрос на эффективные и безопасные средства реализации такой свободы, и «вторая контрацептивная революция» стала ответом на этот запрос.

Благодаря ей были устранены последние препятствия, и **современная модель прокреативного поведения, предполагающая сознательное управление «прокреативными исходами», свободу индивидуального выбора числа и времени появления детей, приобрела законченный вид.**

Человек осознал, а общество признало за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей, соотносить свое поведение в этой области не с унаследованным от прошлого неизменным образцом, а со своими жизненными обстоятельствами. Он получил и новые технические возможности для этого.

Переход к сознательному управлению «прокреативными исходами», числом и временем появления детей означал переход к совершенно новому уровню контроля обществом демографического воспроизводственного процесса, что не могло не вызвать далеко идущих перемен во всей организации личной, частной, семейной жизни людей, в их индивидуальном жизненном цикле.

Опрос мужчин и женщин 18 лет и старше, Франция, 1984 год:

«Какое из перечисленных событий в наибольшей степени изменило жизнь женщины на протяжении этого века?».

появление противозачаточных таблеток — 34%;

предоставление права голоса — 25%;

доступ ко всем профессиям — 23%;

предоставление права на аборт — 9%;

либерализация развода — 4%;

появление телевидения — 4%.

Опрос женщин 18 лет и старше, Франция, 1984 год:

«Какой закон, по вашему мнению, больше всего изменил жизнь женщины за последние 15 лет?».

Распределение ответов:

либерализация контрацепции — 61%;

либерализация аборта — 18%;

равные права мужчин и женщин при найме на работу — 10%;

равенство оплаты мужчин и женщин за равный труд — 8%;

устранение понятия отцовских полномочий (признание равных родительских прав отца и матери) — 5%;

введение родительского отпуска после рождения ребенка для отца или матери — 4%;

обязательная совместная подпись налоговой декларации — 1%.

Опрос женщин 38–45 лет, Франция, 1984 год:
«Какие из изменений, происходивших в обществе за последние 20 лет, кажутся вам наиболее важными?».

появление противозачаточных таблеток — 60%;
большее равенство женщин и мужчин на работе — 55%;
новый матримониальный режим, предоставляющий женщине большую финансовую независимость — 23%;
либерализация аборта — 22%;
возможность открыто жить в свободном союзе — 22%;
возможность для женщины занимать важные политические посты — 16%.

Сумма превышает 100%, так как можно было назвать несколько ответов.

Контрацептивная революция, естественно вытекавшая из всех сдвигов, связанных с демографическим переходом, оказала огромное влияние на демографическое сознание и демографическое поведение новых поколений молодежи, на становление их представлений о браке, семье, рождении детей и т.д.

Нельзя, однако, сказать, что эта революция вызвала всеобщее одобрение и что у нее нет критиков.

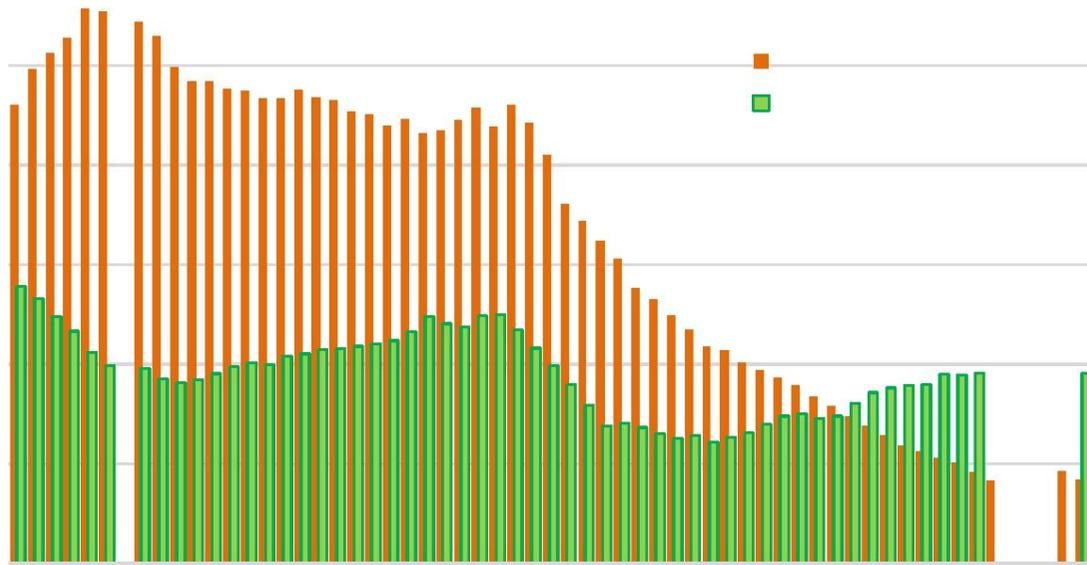
Контрацептивная революция 1960-х годов, затронувшая прежде всего страны с сильным влиянием католической церкви, заставила Ватикан снова обратиться к теме контрацепции. **В 1968 году папой Павлом VI была обнародована энциклика Humanae Vitae (Человеческая жизнь).**

Этому предшествовала работа специально созданной Ватиканом комиссии, большинство членов которой высказалось **за разрешение супругам пользоваться противозачаточными средствами,** ибо «сегодня регулирование деторождения представляется необходимым большинству супругов, стремящихся к ответственному, открытому и сознательному родителству». Но **Папа последовал совету меньшинства и подтвердил запрет на использование контрацепции, наложенный Пием XI.**

Решение Папы противоречило не только мнению многих католических иерархов. Интересен отклик на Энциклику православного богослова митрополита Антония Сурожского, который также не согласился с безусловным осуждением контрацепции. «Что лучше-рождать детей на смерть, как это происходит в Индии, где тысячи, тысячи детей рождаются и умирают, потому что их нечем кормить (это в какой-то мере бывает и на Западе, и в России, и везде), или сознательно ограничить число детей, планируя их рождение?» Есть такие периоды и состояния, когда «законно прибегнуть к контрацепции, то есть не дать ребенку родиться в такие обстоятельства, где он встретит только страдание, изуродование жизни, смерть, в жизни которого ничего не будет светлого»

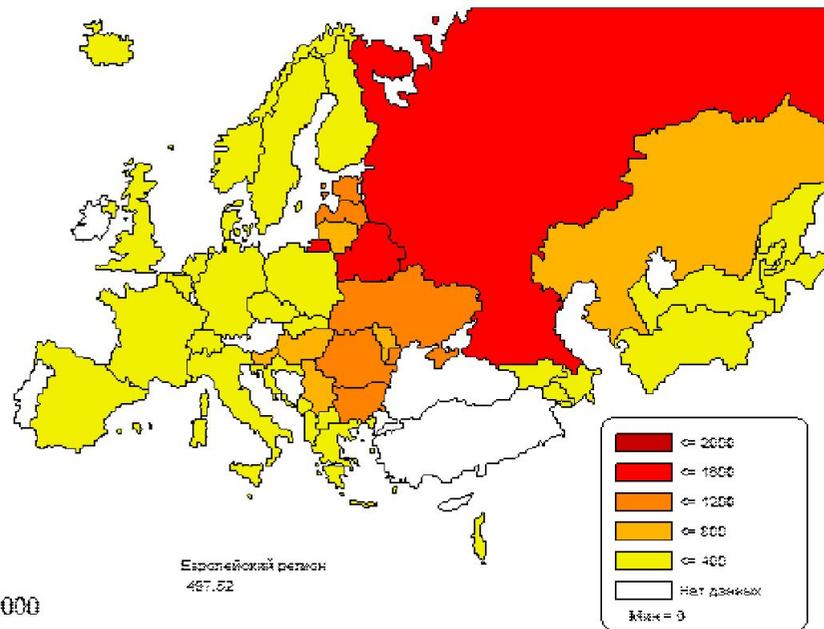
Россия, как и весь Советский Союз, долгое время шла своим путем. Аборт был разрешен здесь в 1920 г., раньше, чем в других странах, затем он был запрещен в 1936 г. и вновь разрешен в 1955 г. При этом никаких усилий по развитию альтернативных аборту методов регулирования рождаемости в СССР не предпринималось. Когда же в 1960-е на Западе произошла контрацептивная революция, в СССР к новым противозачаточным средствам отнеслись с большим подозрением, как могли, тормозили их распространение, а **основным методом регулирования рождаемости оставался искусственный аборт** (который не считается инструментом планирования семьи).

Радикальное снижение числа аборт в России началось только в 1990-е годы

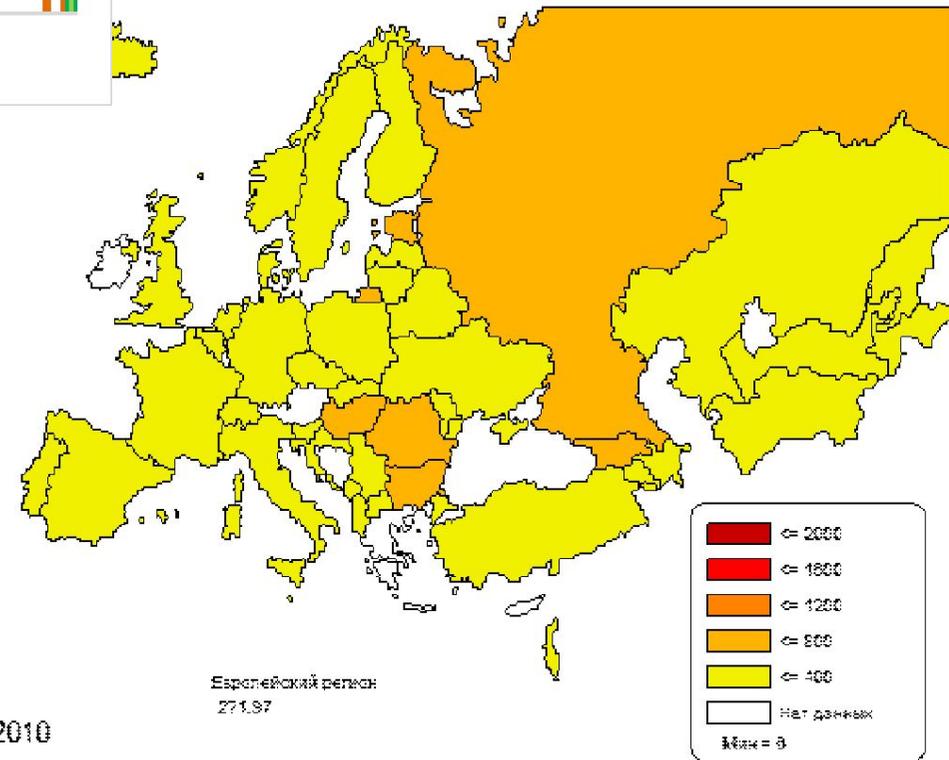

Частота абортв на 1000 живорожденных

Частота абортв на 1000 живорожденных

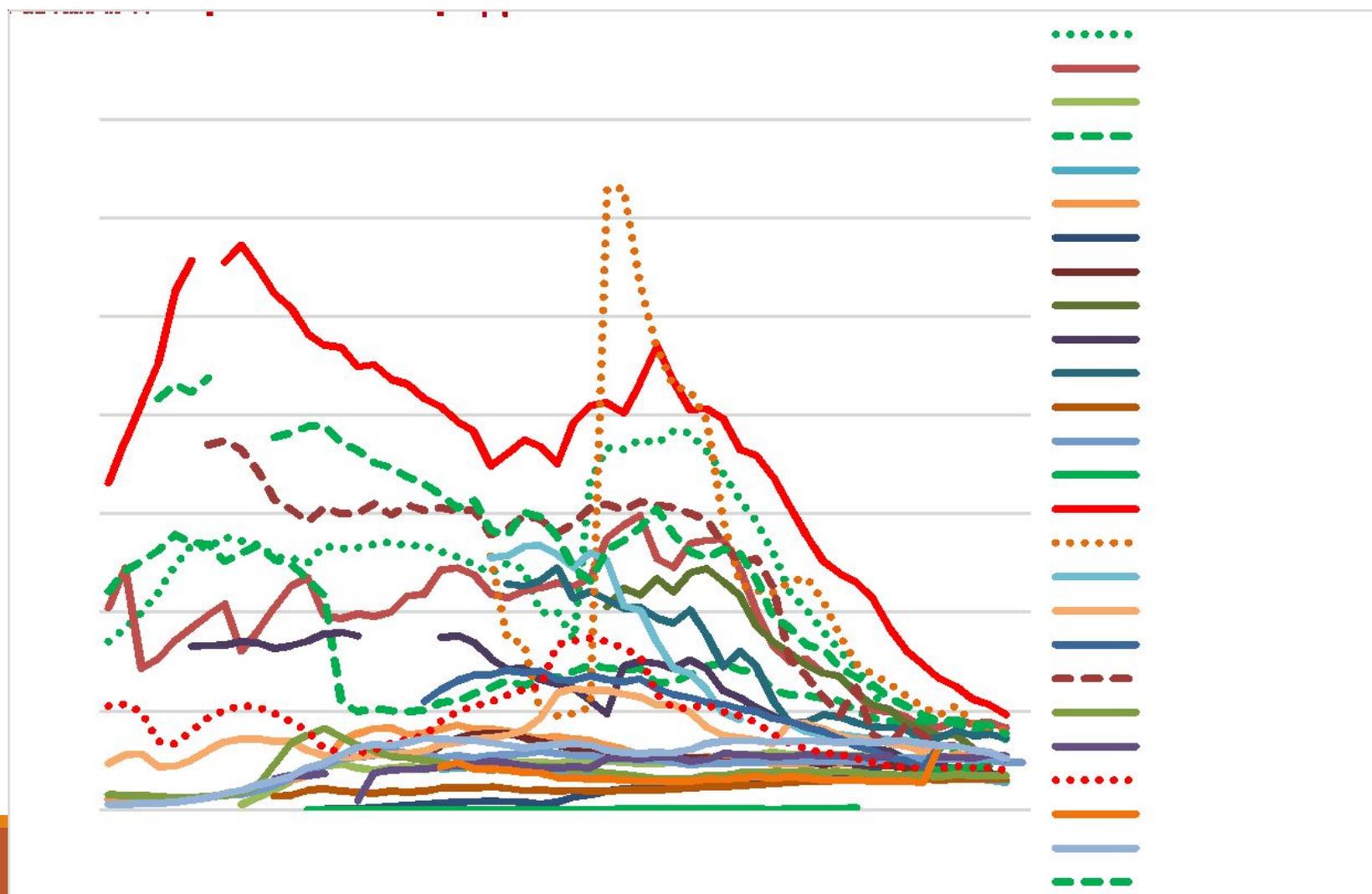

2000

2010

С начала 1990-х годов контрацептивная революция в России набирает темпы, идет успешно, число абортов быстро сокращается, и по этому показателю Россия все меньше отличается от большинства развитых стран.

Это можно считать большим успехом, хотя и в России отношение к контрацептивной революции и ее последствиям неоднозначно.

РПЦ как будто не замечает, что контрацепция вытесняет аборт, и требует его законодательного запрета, т.е. криминализации. Более того, она требует и запрета современных контрацептивов, поскольку считает, что они обладают abortивным действием и к ним **«применимы суждения, относящиеся к аборту»**.

В «Основах социальной концепции РПЦ» утверждается, что «намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом».

«Мы, граждане Российской Федерации, выступаем за прекращение существующей в нашей стране практики легального убийства детей до рождения и требуем внесения в законодательство изменений, направленных на:

Признание за зачатым ребенком статуса человеческого существа, жизнь, здоровье и благополучие которого должны быть защищены законом.

Запрет хирургических и медикаментозных прерываний беременности.

Запрет противозачаточных средств с абортивным действием.

Запрет вспомогательных репродуктивных технологий, неотъемлемой составляющей которых является унижение человеческого достоинства и убийство детей, находящихся на начальных этапах эмбрионального развития.

Оказание из федерального бюджета материальной помощи беременным женщинам и семьям с детьми на уровне не менее прожиточного минимума».

Святейший Патриарх Кирилл поблагодарил участников акции за труды и благословил их.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

27 сентября 2016 г.

3.3.3. Снижение рождаемости в развитых странах

Распространение внутрисемейного регулирования рождаемости стало ответом на изменившиеся условия демографического равновесия, которые требовали намного меньшего числа рождений. Первой на путь такого снижения вступила Франция.

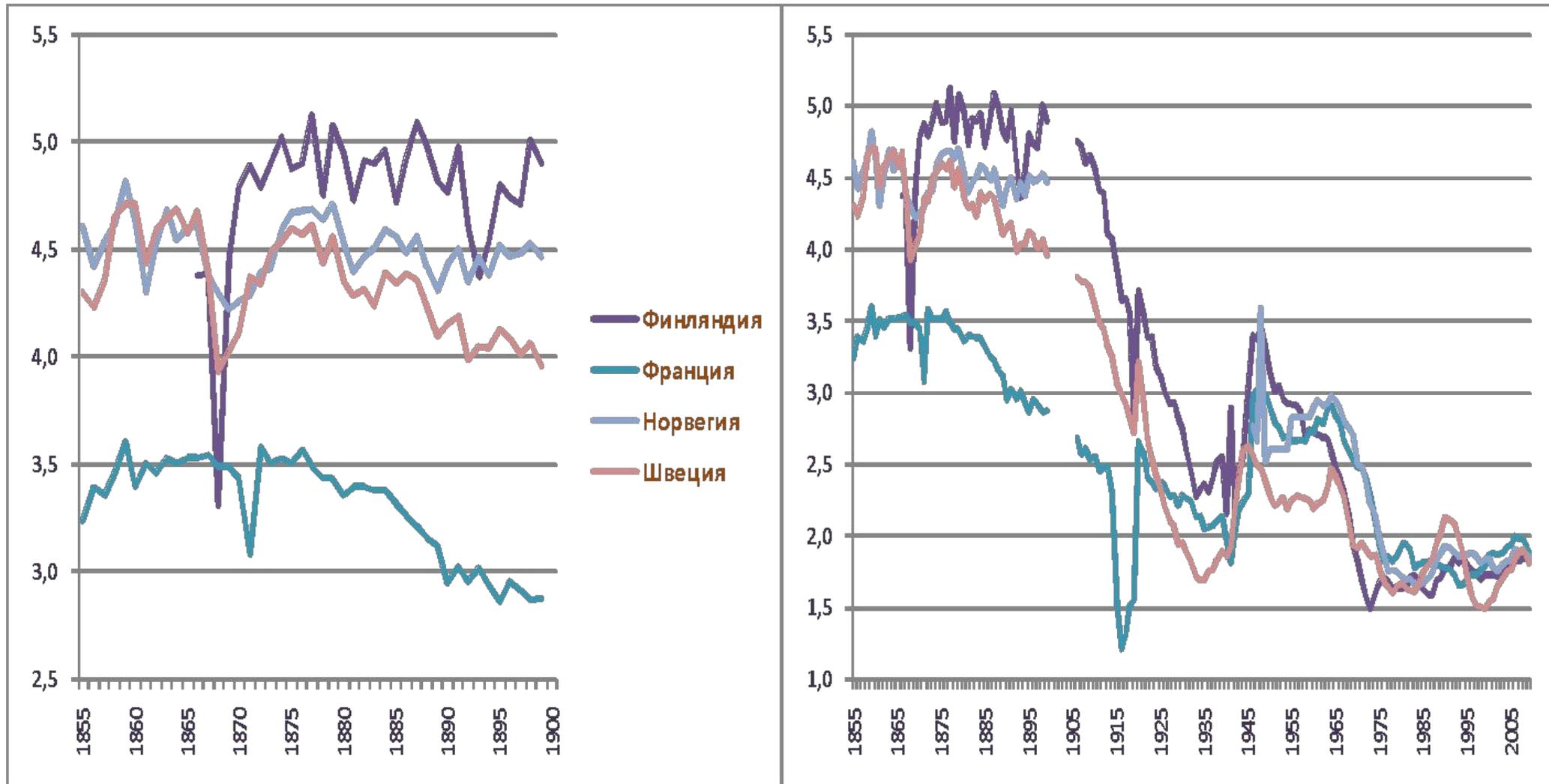
В середине XIX в. уровень рождаемости во Франции, где в это время уже было широко распространено регулирование рождаемости в браке, гораздо больше соответствовал новым условиям смертности, чем в других европейских странах, которые довольствовались ограничением рождаемости за счет более поздних браков. По сути, Франция указывала путь, по которому предстояло пойти всем европейским странам.

По этому пути ни и пошли в действительности.

К концу XIX в. уже многие страны европейской культуры шли по французскому пути ограничения рождаемости в браке, и ее уровень снижался. Первая мировая война ускорила перемены, и после ее окончания сохранявшееся на протяжении всего XIX в. исключительное положение Франции как страны с низкой рождаемостью исчезает.

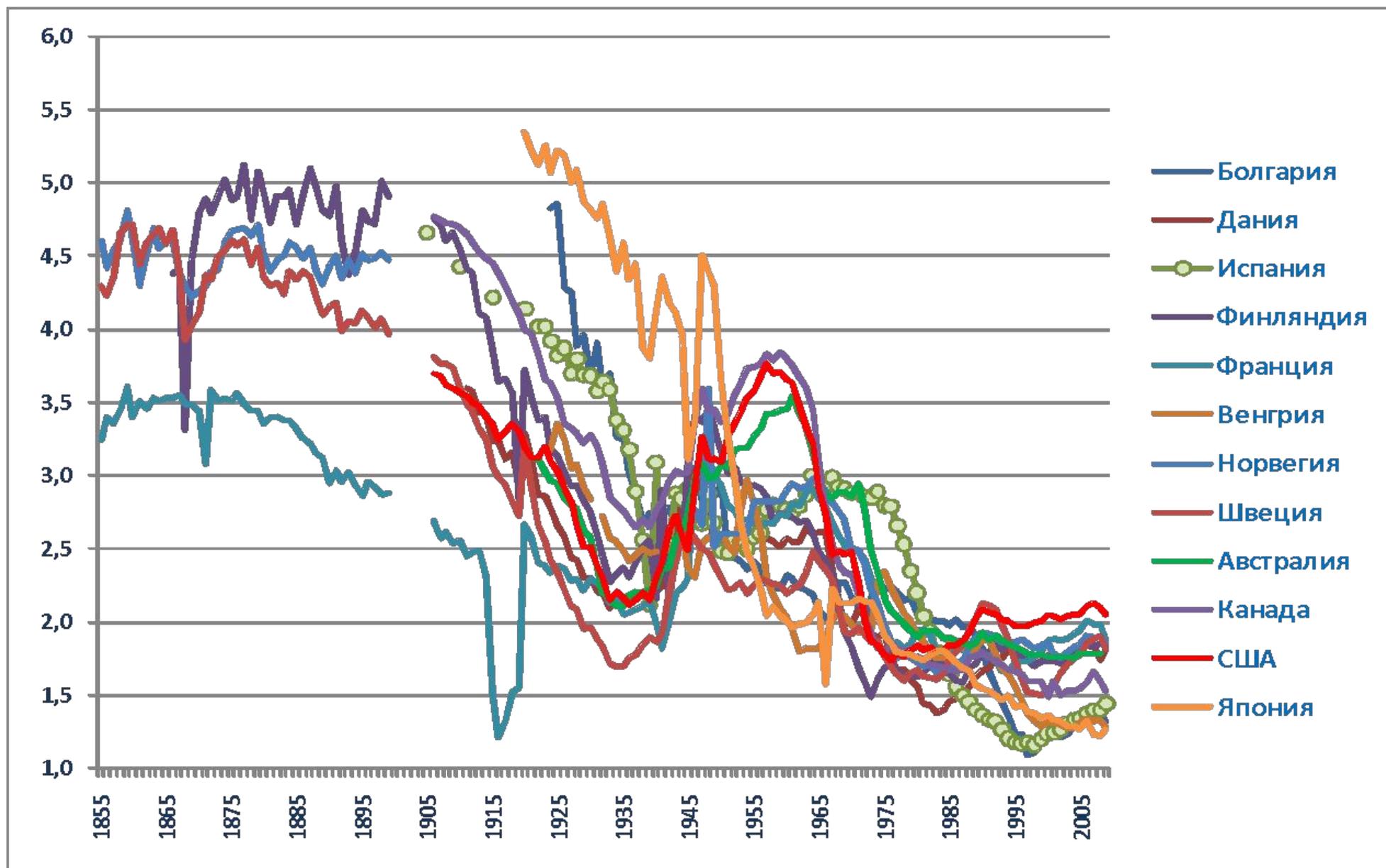
Уровень рождаемости в европейских и североамериканских странах в период между двумя мировыми войнами говорит о том, что социально закрепленная сцепленность сексуального и прокреативного поведения перестала существовать. Прокреативное поведение стало автономным, и это позволило снизить рождаемость и привести ее в относительное соответствие с новой ценой простого воспроизводства.

Рождаемость в Европе, высокая до конца XIX в., с начала XX в. снижалась очень быстро.

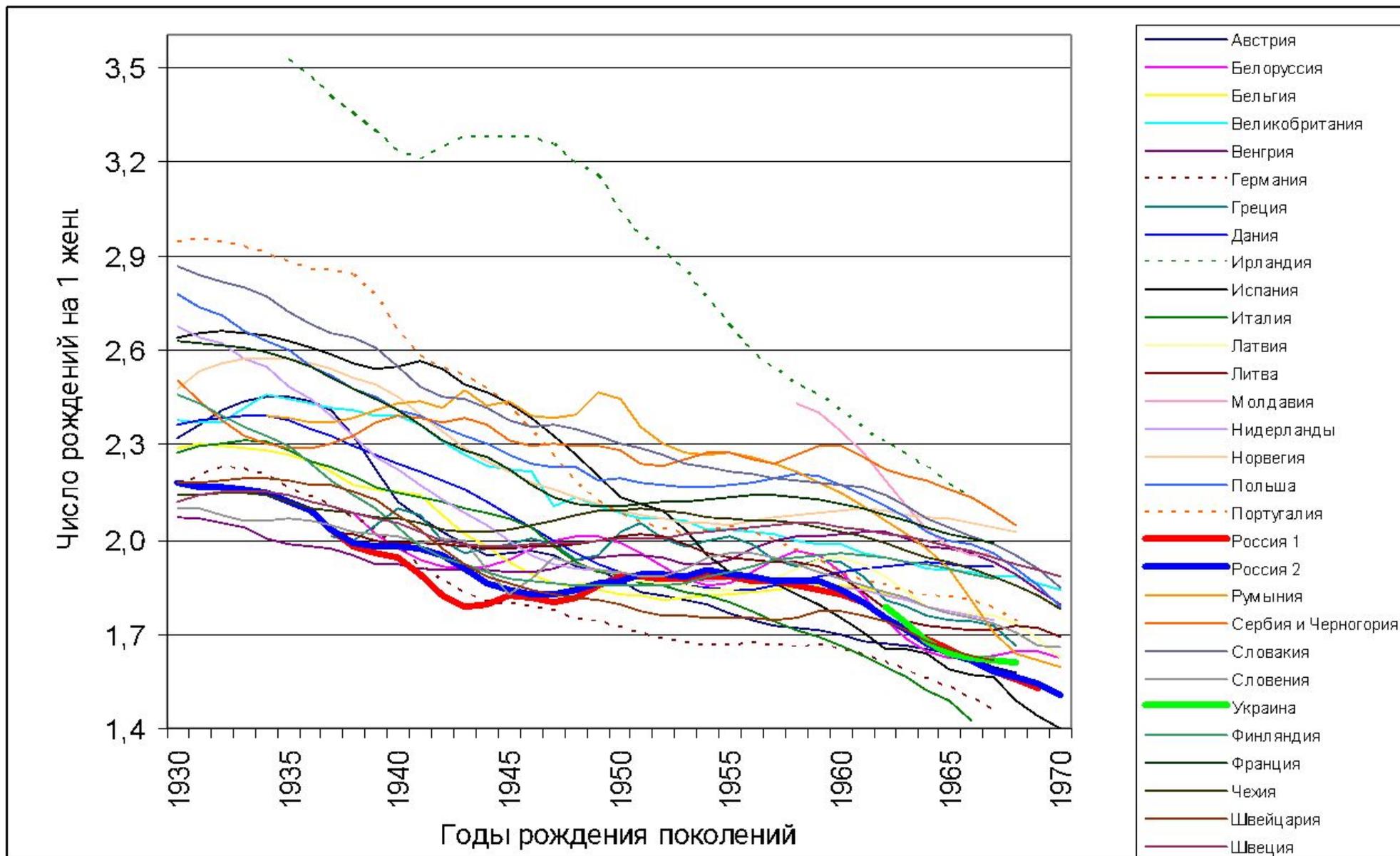

Показатель суммарной рождаемости в 4 европейских странах, 1855-1900 и 1855-2005, число рождений на 1 женщину

Показатель суммарной рождаемости в 12 развитых странах, 1855-2005, число рождений на 1 женщину

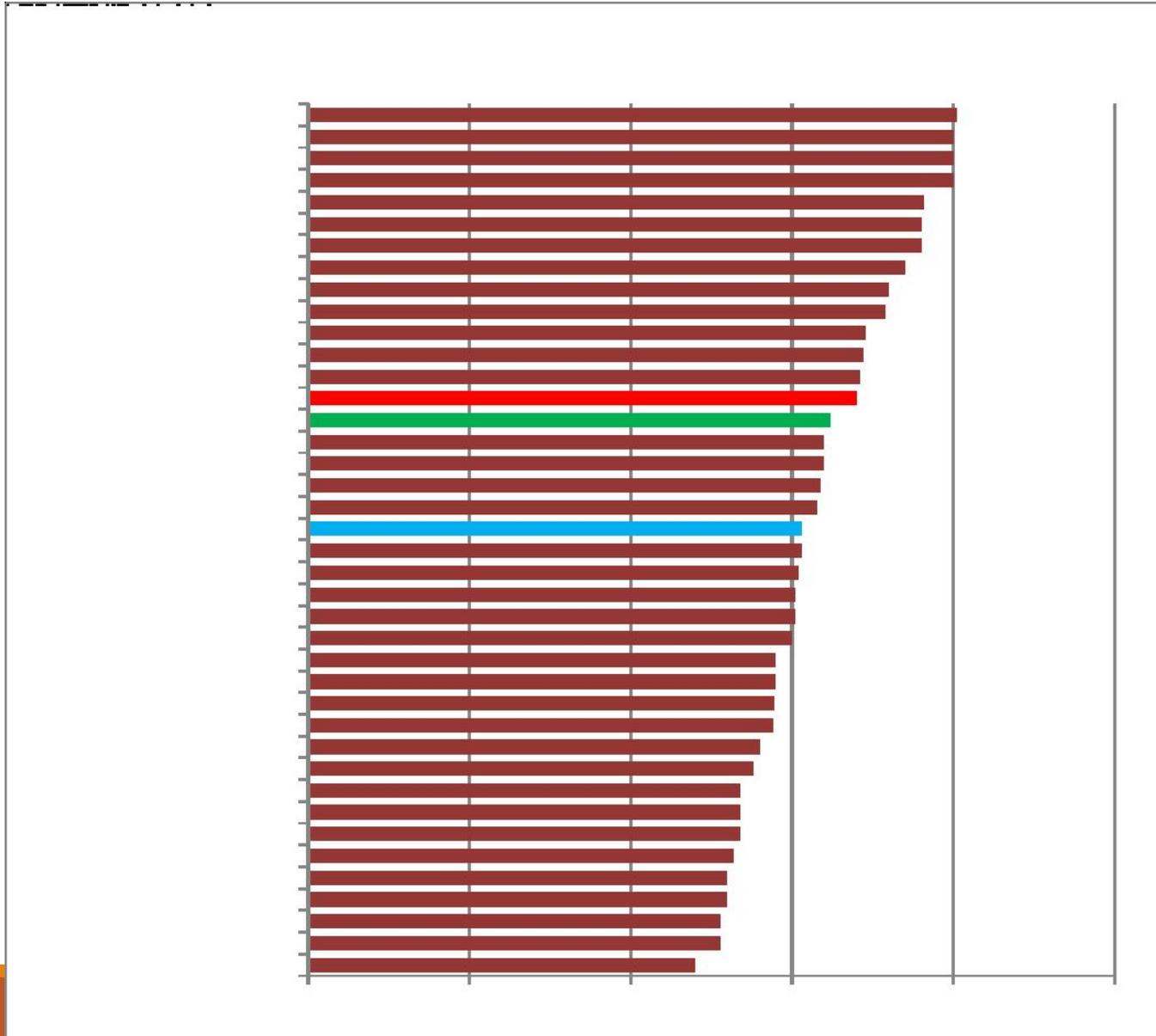

Итоговая рождаемость реальных поколений женщин 1930-1970 годов рождения в некоторых странах

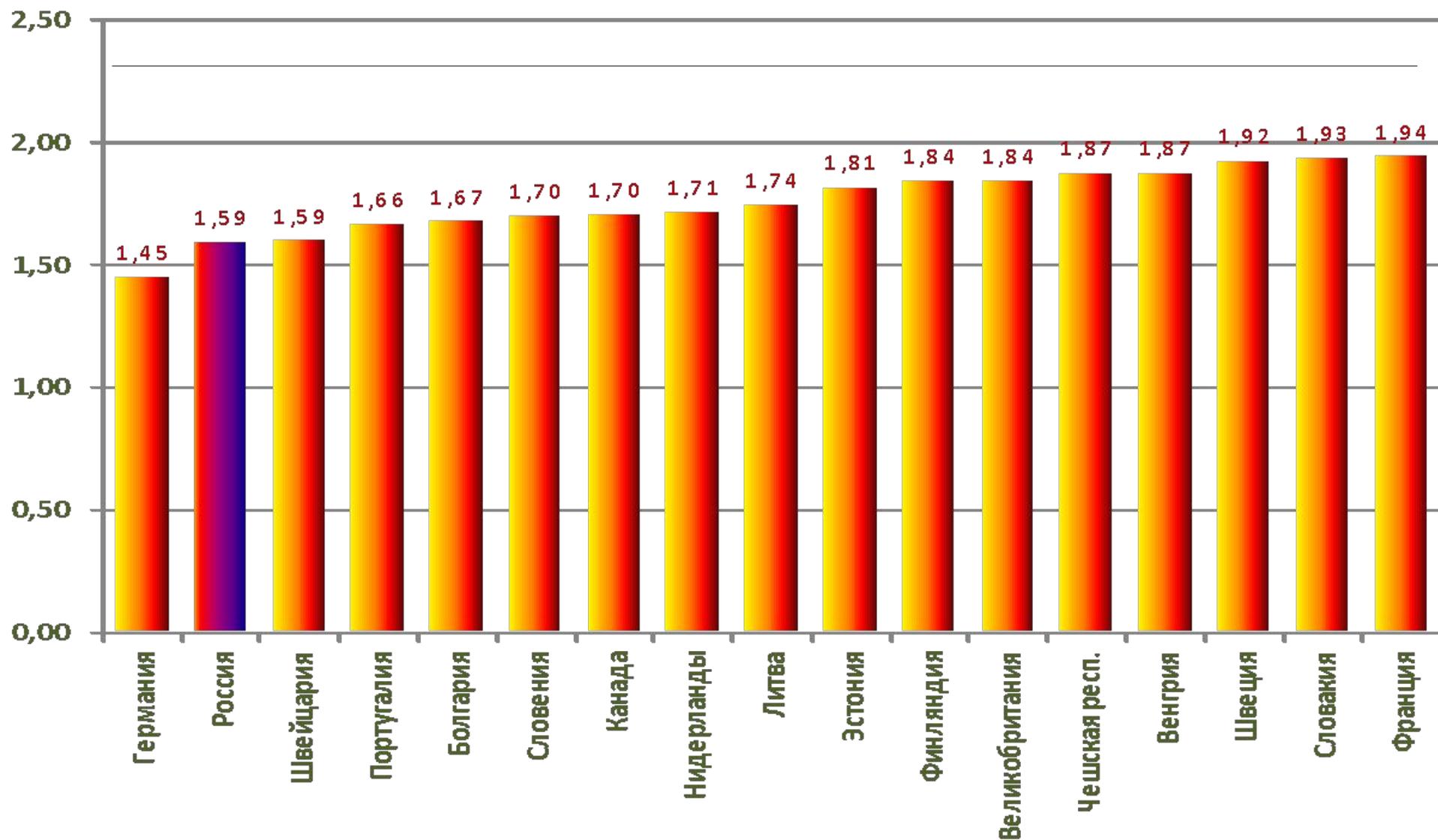
Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах в 2012 году

Ирландия снова рядом с Францией, но вверху, а не внизу списка

Число рождений на 1 женщину поколения 1969 года к возрасту 40 лет в некоторых странах

Поколение 1969 г. Число рождений на 1 женщину к 40 годам

XIX в. стал веком подготовки снижения рождаемости в наиболее продвинутых странах того времени, в основном в странах европейской культуры. XX в. принес ее распространение на весь мир.

Одной из стран, совершивших очень быстрый переход к низкой рождаемости, стала Россия. Россия не знала «европейской брачности», поэтому рождаемость здесь была намного выше, чем в Западной Европе. Хотя первые признаки снижения рождаемости появились уже в конце XIX в., тогда они были едва заметны. По оценке Р. Кучинского, в 1996-1998 гг., среднее **число рождений на 1 женщину составляло 7,1**, что говорило об одном из самых высоких уровней рождаемости, зафиксированных когда-либо в крупной стране.

Петр Куркин, 1902:

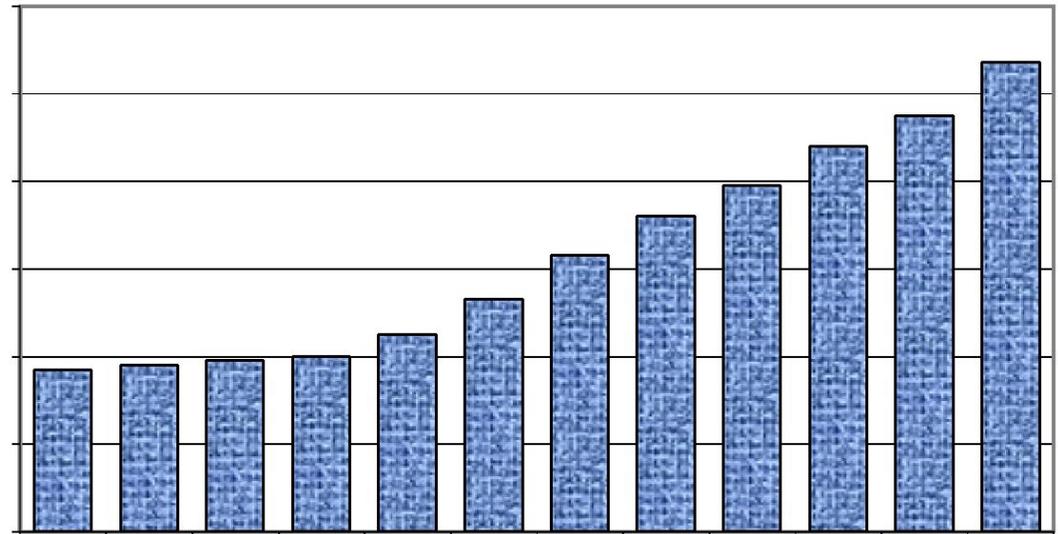
Существующий... уровень рождаемости... чрезмерно далеко отстоит от той ее нормы, при которой наибольший прирост населения достигается с наименьшими потерями, неизбежными в деле производства потомства... **Есть полное основание... ожидать, что... улучшение экономических, гигиенических и т.д. условий... у нас в России, скорее всего, должно привести к понижению рождаемости..., к достижению той ее наиболее полезной нормы, которая обеспечила бы как удовлетворительный прирост, так и сохранение бесполезно растрачиваемых в настоящее время производительных сил населения и создание более крепкого и жизнеспособного потомства.**

Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883-1897 гг. М., 1902

В то же время некоторое снижение детской смертности уже наметилось в конце XIX в., число выживающих детей стало медленно увеличиваться.

Одновременно менялись экономические и социальные условия жизни российской деревни, что расшатывало устои традиционной семьи и семейных отношений. Появляется все больше свидетельств кризиса неразделенной многопоколенной семьи.

Все это, в свою очередь, меняло отношение к числу детей, заставляло задумываться о нем. Массовое прокреативное поведение начинало меняться.

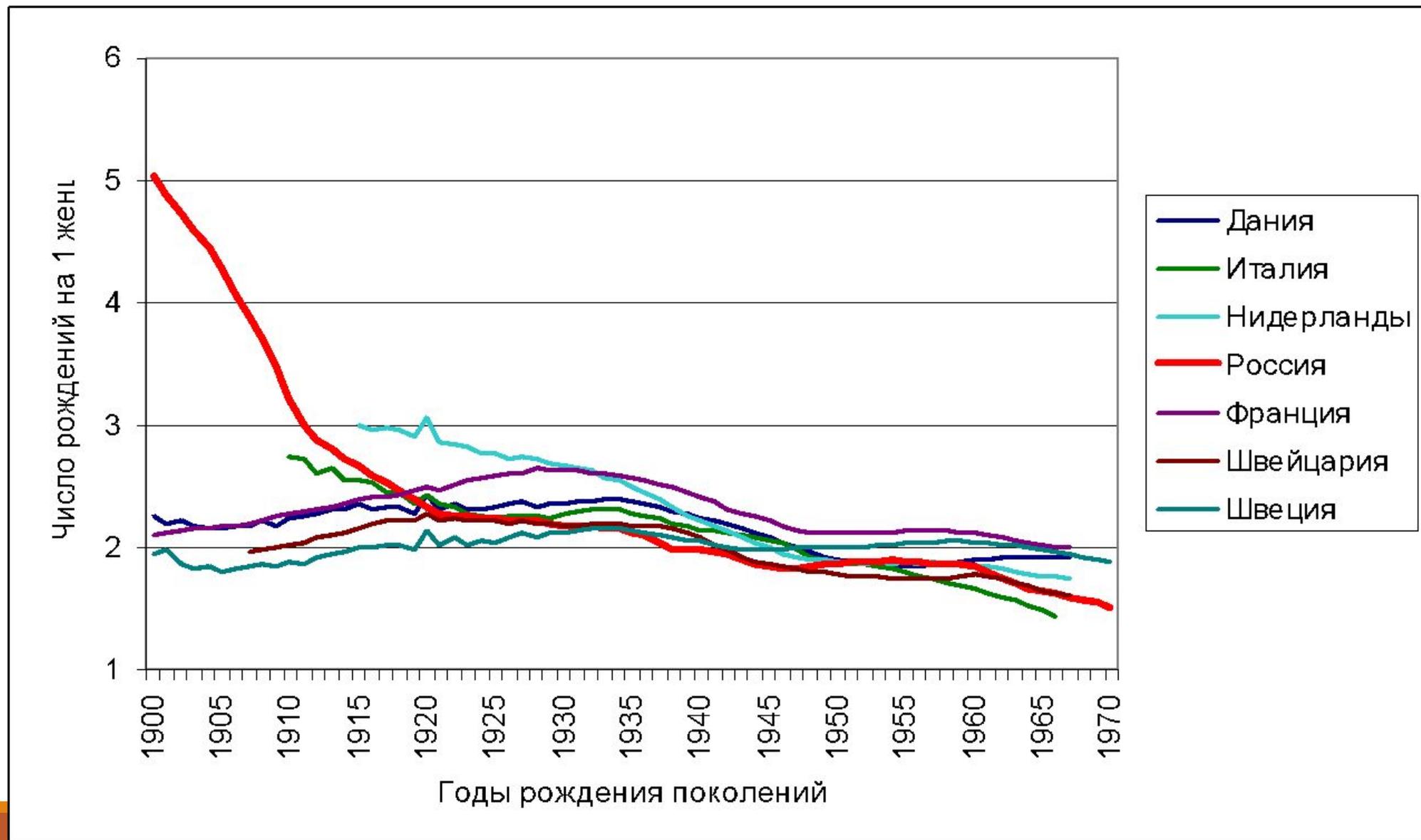

Управление прокреативными исходами:

Распределение российских женщин разных поколений по числу рожденных детей

Итоговая рождаемость реальных поколений женщин 1900-1970 годов рождения в России и некоторых европейских странах. Начиная с поколений 1910 года рождения, Россия вписывается в общий ряд европейских стран.

3.3.5. Низкая рождаемость и воспроизводство населения

Исторический переход к низкой рождаемости стал необходимым ответом на кардинальные изменения цены простого воспроизводства. Без такого перехода обеспечить сохранение демографического равновесия в условиях низкой смертности невозможно. Это было понято далеко не сразу и не всегда осознается сейчас. Однако даже если признать закономерность снижения рождаемости, происходившего на протяжении двух последних столетий, **остается вопрос о том, до какого уровня может снижаться рождаемость и не угрожает ли это снижение новым нарушением демографического равновесия, на этот раз ведущим не к слишком быстрому росту населения, а, напротив, к его сокращению.**

Пионером низкой рождаемости была Франция, и именно здесь к концу XIX в. возникло беспокойство по поводу необычного снижения рождаемости, которое воспринималось как социальная болезнь, как некий поразивший французское общество порок, от которого любой ценой нужно было избавиться.

Французский демограф **Адольф Ландри** первым сформулировал положение о том, что речь идет не просто об уменьшении числа рождений, а о «демографической революции», приводящей к возникновению принципиально нового режима рождаемости. **Главное отличие этого режима от предыдущих он видел в его неспособности поддерживать демографическое равновесие, поскольку «факторы эгоистической природы» все время будут подталкивать к сокращению рождаемости.**

Таким образом, опасения Ландри и других французских демографов, опасавшихся депопуляции еще в конце XIX в., а также их последователей в других странах получили и продолжают получать, казалось бы, неоспоримое эмпирическое подтверждение.

Все более широкое распространение рождаемости ниже уровня простого возобновления поколений подталкивает к выводу о том, что новый тип прокреативного поведения не способен обеспечить поддержание демографического равновесия. Иными словами, **современные механизмы социального управления рождаемостью не справляются со своей задачей, а значит, не отвечает или, по крайней мере, не полностью отвечает интересам общества как целого.**

3.3.6. Прокреативная мотивация и ее исторические типы

Под прокреативной мотивацией будем понимать систему побуждений, ведущих к рождению ребенка или к отказу от него.

В демографической литературе присутствуют **два подхода** к пониманию природы этой мотивации и ее зависимости от условий, в которых люди реализуют свою прокреативную функцию. В самом общем виде они различаются тем, рассматривается ли рождение детей как самостоятельная **цель** поведения людей или как **средство** для достижения каких-то других целей. Рассмотрим обе эти трактовки.

Обосновывая свое убеждение в неспособности нового режима рождаемости поддерживать демографическое равновесие, Ландри ссылаясь на **«принцип рационализации жизни»**. «Люди уже не позволяют природе умножать без ограничений их потомство, но, напротив, хотят самостоятельно регулировать его в соответствии с тем, **что они считают предпочтительным»**.

Предпочтения же их как раз и определяются тем, что «принцип рационализации» открывает простор любым чувствам и расчетам, которые подталкивают к сокращению рождаемости, причем **«факторы эгоистической природы, видимо, играют все большую и большую роль»**. Эта линия объяснения, которое мы назовем **«полезностным»**, впоследствии получила развитие в работах многих известных демографов.

Полезностная концепция детерминации рождаемости.

Согласно этой концепции, уровень рождаемости зависит от того, насколько дети экономически или социально полезны родителям.

Различия между демографическим поведением родителей прежде и теперь объясняются тем, что **прежде дети были выгодны, полезны семье, а теперь утратили эту роль.**

«Переход от семейного производства к наемному оплачиваемому труду, который сопровождал индустриализацию и урбанизацию, снизил экономическую полезность детей. Они больше не могли служить в качестве дешевой рабочей силы для родительских фермы или бизнеса, но зато требовали инвестиций в образование и подготовку, чтобы дать им реальный шанс в жизни... Большое число детей может означать размывание семейного имущества, такого как земля после смерти родителей, так что контроль над рождаемостью стал разумной стратегией» (van de Kaa 1987).

Разновидностью полезно-рационального объяснения служит сформулированная российскими демографами концепция **ослабления потребности в детях** (А. Антонов, В. Архангельский, В. Борисов, В. Козлов, Л. Дарский).

«Потребность в детях является социально-психологическим свойством, социализированного индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность» (Антонов 1980; Антонов, Борисов 2011).

«Мотив рождения характеризует смысл наличия ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения личных целей родителей» (Борисов 1976).

«Экономическая полезность детей... вполне доказана: сыновья были работниками, дочери, кроме того, приносили выкуп (калым). Но дети были нужны традиционной семье не только экономически, они были полезны социально» (Дарский 1979).

Исторические изменения привели к **«сокращению потребности семьи в детях до уровня малодетности»** (Борисов 1976).

«Сокращение рождаемости происходит вследствие уменьшения самой потребности в детях», «дети утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи» (Борисов 1976), стали ненужными как опора в старости, потеряли свою роль наследников родительских состояний и продолжателей фамилии.

Ослабели и социально-психологические потребности, такие, как «потребность иметь объект забот и ухода, объект доминирования и воспитания» (Дарский 1976).

«Ведущими мотивами рождения детей перестали быть экономические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам», которые **«обуславливают только установки малодетности и даже однодетности**, поскольку для реализации их вполне достаточно одного ребенка» (Антонов 1975).

И у зарубежных, и у отечественных сторонников полезностного объяснения снижения рождаемости пользуется популярностью позиция известного австралийского демографа **Джона Колдуэлла**, который полагал, что «в обществе любого типа и на любой стадии развития прокреативное поведение (fertility behavior) рационально, и рождаемость, когда она высока, так же **как** когда она низка, есть следствие того, что именно такая рождаемость экономически выгодна индивиду, супружеской паре или семье. Какая именно рождаемость экономически рациональна, определяется социальными условиями, прежде всего межпоколенным потоком богатства. **Этот поток был направлен от младших поколений к старшим во всех традиционных обществах», а затем «повернул на 180°»** (Caldwell 1976).

Три пункта критики полезностной концепции детерминации рождаемости.

1. Она смешивает многоплодность и многодетность. Современная низкая рождаемость **НЕ УМЕНЬШАЕТ ЧИСЛО ВЫЖИВАЮЩИХ ДЕТЕЙ** или уменьшает его незначительно, скорее, она ориентирована на то, чтобы детей в семье было столько, сколько было всегда.
2. Она не видит различия в мотивации поведения при **НАЛИЧИИ** и при **ОТСУТСТВИИ** свободного выбора.
3. Она не дифференцированно и неточно использует понятие «**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ**».

Как правило, демографы – от Ландри до Колдуэлла и их российских сторонников – употребляют слово «рациональность», скорее, в его обыденном, бытовом смысле.

Социологам, по крайней мере, со времен **Макса Вебера** известны разные типы рационального поведения (действия).

Для наших целей важно разграничение **ценностно-рационального** и **целерационального** поведения.

Ценностно-рациональное поведение характеризуется тем, что человек действует «невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предназначениях, благочестии или важности “предмета” любого рода. Оно всегда подчинено “заповедям” или “требованиям”, в повиновении которым видит свой долг данный индивид».

Напротив, «**целерационально** действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу» (Макс Вебер).

Традиционное прокреативное поведение, не предполагающее свободы индивидуального выбора, – типичный пример **ценностно-рационального** поведения в соответствии с «заповедями», которые человек не вправе нарушать.

Современное прокреативное поведение, напротив, **целерационально**: каждая женщина и каждая супружеская пара свободно принимают решения о количестве и сроках появления детей, учитывая при этом свои возможности, наличие разных конкурирующих целей и т.п.

Если остановиться на этом, то легко, вслед за Ландри, прийти к выводу, что могут возобладать «факторы эгоистической природы», многообразные конкурирующие цели окажутся важнее цели рождения детей, и рождаемость упадет ниже уровня, необходимого для поддержания демографического равновесия.

Следует, однако, учесть крайне важное замечание Вебера: **«выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть, в свою очередь, ориентирован ценностно-рационально — тогда поведение целерационально только по своим средствам».**

Иными словами, целерациональный характер современного прокреативного поведения отнюдь не противоречит его согласованности с демографическими интересами общества как целого и совсем не обязательно ставит под угрозу сохранение долговременного демографического равновесия. Это рассуждение подводит к формулированию концепции детерминации рождаемости, альтернативной полезностной. Назовем ее **«ценностной».**

Ценностная концепция детерминации рождаемости.

Называя концепцию детерминации рождаемости «ценностной», мы подчеркиваем, что, согласно этой концепции, **мотивация прокреативного поведения всегда имеет ценностную природу.**

Основополагающие цели, направляющие поведение людей в любом обществе, определяются господствующей в нем системой ценностей. Такая система формируется на надындивидуальном уровне и отражает все главные требования, вытекающие из жизнедеятельности социального целого. Не существует и не может существовать общество, в системе ценностей которого не отражена необходимость возобновления поколений.

Это, в свою очередь, означает, что **обзаведение потомством в массовом сознании и в сознании каждого отдельного человека существует именно как ценность, занимающая при этом такое место на шкале ценностей, которое позволяет ей успешно конкурировать со многими другими ценностями.**

Сколь свободным ни был бы прокреативный выбор людей, он не может не быть ценностно ориентированным. Поэтому он всегда остается согласованным с интересами общества как целого и не ставит под угрозу сохранение долговременного демографического равновесия. Соответственно **всегда сохраняется и социальное управление рождаемостью, хотя механизмы такого управления могут принимать разные исторические формы.**

Современное целерациональное прокреативное поведение, ставшее автономным и основанное на свободном выборе, **точно так же направляется общественными ценностями, как и традиционное ценностно-рациональное.**

Но только теперь социальное управление этим поведением осуществляется не посредством жестких внешних предписаний и под контролем внешней цензуры, а путем интериоризации ценностей и ориентированного на них свободного выбора. В современной системе ценностей, так же, как и в традиционной, **рождение детей осознается как самостоятельная цель,** к которой стремится большинство людей и которая обладает высокой конкурентоспособностью по отношению ко многим другим целям.

Ценностно ориентированное индивидуальное прокреативное поведение, основанное на свободном выборе, отнюдь не превращает рождаемость в социально неуправляемый процесс и способно поддерживать долговременное демографическое равновесие, во всяком случае, не хуже, чем не знающее свободы выбора прокреативное поведение традиционного человека.

Но как совместить это оптимистическое утверждение с неоспоримым фактом падения рождаемости ниже уровня замещения поколений во все большем числе стран?

3.3.7. Глобальные детерминанты низкой рождаемости

Ответ на этот вопрос возможен если **отказаться от логики рассмотрения всей проблемы в рамках отдельной страны** или группы стран и заменить ее рассмотрением закрытой системы, в качестве которой может выступать только **все глобализованное человечество**.

Сегодня ни отдельная страна, ни отдельный регион мира, ни группа выделенных по какому-либо признаку стран не может рассматриваться как замкнутая система, географические или политические границы не обеспечивают необходимой для этого изоляции. Только все население планеты представляет собой замкнутую систему, применительно к которой можно говорить о демографической самоорганизации. **Страны входят в систему мировых сообщающихся сосудов, и формирующиеся в этой системе ориентиры поведения, в том числе и прокреативного, неизбежно отражают интересы всей системы, всего глобального целого.**

Понятна озабоченность общественного мнения или политиков уровнем рождаемости в тех странах, где она опустилась ниже уровня простого воспроизводства.

Но для большинства населения мира все еще актуальной остается проблема высокой рождаемости. В 2010-2015 гг. коэффициент суммарной рождаемости для всей совокупности развитых стран опустился до **1,67**, т.е. был значительно ниже уровня замещения поколений. Но при этом среднемировой показатель превышал **2,5**, а средний для менее развитых регионов (более 80% мирового населения) – составлял **2,65**, если же исключить Китай, был близок к **3**. Так что глобальная проблема перехода к новому типу рождаемости и **снижения ее уровня для того, чтобы восстановить глобального демографического равновесие** сохраняет свою остроту.

Сейчас низкая, а может быть даже и очень низкая рождаемость – часть механизма, обеспечивающего постепенный возврат мировой демографической системы в состояние равновесия.

Система подает информационные сигналы о своем состоянии, они улавливаются на микроскопическом уровне и определяют приспособительное поведение теперь уже миллиардов людей, поиск ими наиболее адаптивных форм такого поведения. В этом смысле нет никакого отличия демографической системы от физической, которая «ведет себя как единое целое и как если бы она была вместелищем далекодействующих сил... Система структурируется так, как если бы каждая молекула была «информирована» о состоянии системы в целом» (Пригожин, Стенгерс 1986).

3.3.8. Социального управления рождаемостью и социокультурный отбор

Через весь наш курс проходит идея, что **демографические процессы**, в том числе, конечно, и рождаемость, - **социально управляемые**. Механизмы социального управления объективны и имеют исторический характер, т.е. меняются от эпохи к эпохе.

Эти механизмы не придуманы кем-то, а **складываются и изменяются в ходе исторического развития в результате социокультурного отбора**. Единицей отбора служит информация об элементарных действиях людей, которая может иметь значение для других и позволяет воспроизводить эти действия, повторять их, имитировать и т.п.

В 1976 г. Ричард Докинз (Richard Dawkins) предложил называть такую единицу словом **«мем»** («meme», английское произношение – «мим»).

Взаимодействуя между собой, мемы образуют устойчивые **«мемокомплексы»**. Такие «мемокомплексы» можно назвать **«культурными структурами»**. В своей совокупности они образуют **мемофонд** общества, который, по словам Докинза, «в конечном счете, приобретает атрибуты эволюционно стабильного набора, проникнуть в который новым мемам оказывается трудно» (Докинз).

Культурные структуры – мемомкомплексы - могут иметь **разные иерархические уровни**.

На одном из самых высоких находится **культурная традиция**. На этом уровне формируется непротиворечивая система ценностей общества, достигается его **«ценностный консенсус»**.

Культурная традиция вбирает в себя весь исторический опыт существования народа в определенных природных и социальных условиях и потому может выполнять роль «обобщенных моделей вероятности протекания соответствующих процессов» (Маркарян 1983), оказывает стабилизирующее, гомеостатическое влияние на общественную жизнь.

В рамках культурной традиции складываются более частные культурные комплексы, отражающие общепризнанный взгляд на отдельные социальные функции и порождаемые ими отношения. Назовем такие комплексы **культурными парадигмами**.

Принадлежность к одной культурной традиции обуславливает взаимную согласованность и непротиворечивость вытекающих из них требований к поведению людей. **Культурные парадигмы имеют ярко выраженную ценностную окраску, указывают на то, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя в данной области человеческой деятельности.** Можно ли избавиться от ожидаемого или уже рожденного ребенка, допустим ли развод или повторный брак — вот примеры вопросов, ответы на которые определяются культурными парадигмами.

Наконец, есть еще более низкий уровень культурных структур, которые можно назвать **культурными рекомендациями**: как действовать в конкретных ситуациях - как должна вести себя женщина, ждущая ребенка, как пеленать или кормить младенца, каким должен быть свадебный обряд и т. п.

Культурная рекомендация может в равной мере содержаться и в древнем обычае (обрезание), и в правилах медицинской процедуры, основанных на современном рациональном знании (прививка оспы). **Культурная рекомендация должна соответствовать культурной парадигме — в противном случае она не будет применяться.** Скажем, пока господствует парадигма недопустимости вмешательства родителей в процесс зачатия или вынашивания детей, нельзя рассчитывать на превращение в культурно рекомендованные каких-либо действий, направленных на предотвращение зачатия или прерывание беременности.

Комплекс культурных структур формируется, сохраняется или изменяется в процессе непрерывного **культурного отбора**.

Пока культурные структуры соответствуют основным условиям существования общества, отбор обеспечивает их сохранение, отторгая любые культурные инновации, угрожающие его целостности. Такой отбор называется **стабилизирующим**.

Если же, по тем или иным причинам, такое соответствие нарушается, на первый план выходит **движущий** отбор. Он формирует новые культурные структуры, в конечном счете, новую культурную традицию, укорененную в новых условиях существования общества.

Отбор идет по критерию эффективности, можно даже сказать, по критерию эгоистической выгоды.

Миллионы проб и ошибок в прошлом показали, что семья с низкой рождаемостью чаще проигрывает. Так утвердились **мемы высокой рождаемости**. Если условия меняются и начинает накапливаться другая статистика: чаще выигрывают те, у кого рождаемость ниже - это служит сигналом о том, что произошли какие-то изменения в условиях существования, и они требуют новых культурных ориентиров, утверждения **мемов низкой рождаемости**.

Прийти к новому равновесию с помощью прежних культурных норм невозможно, начинается поиск новых норм, **включаются механизмы движущего отбора**. Он формирует новые культурные структуры, в конечном счете, новую культурную традицию, укорененную в новых условиях демографического бытия.

С первых минут своей жизни человек живет внутри культуры. Содержащаяся в ней информация усваивается им в процессе воспитания, формирует в его сознании идеальный образ человека, идеальную программу человеческой жизни, которую люди, как правило, стремятся реализовать в своем поведении без всякого внешнего принуждения. **Программа демографического поведения человека на протяжении его жизни – часть такой общей программы.**

Когда снижение смертности коренным образом изменило условия демографического равновесия, должна была в корне измениться и эта программа. Изменения были столь быстрыми и неожиданными, что **они породили представления о полном исчезновении управляющей программы.** Отсюда – дожившая до наших дней идея Ландри о том, что современный тип рождаемости не способен поддерживать демографическое равновесие.

Но отсюда же и идея о том, что исчезнувшие объективные механизмы поддержания равновесия могут и должны быть заменены рукотворными, искусственно созданными механизмами демографической политики.

Альфред Сови: «Равновесие – не дар божественного провидения... Познания [людей] в области сложного процесса воспроизводства населения слишком поверхностны для того, чтобы стремление выполнить свой моральный долг могло обеспечить демографическое равновесие». «Если провиденциальное равновесие с течением времени может приобрести некоторую устойчивость, то это произойдет лишь в результате того, что люди, чье назначение состоит в том, чтобы служить орудиями достижения этого равновесия, останутся верными своей миссии».

Под такими людьми «особого назначения» Сови понимал ученых и государственных деятелей, которые должны выработать и реализовать меры политики, обеспечивающие поддержание демографического равновесия.

3.3.9. Социальное управление рождаемостью и демографическая политика

Идея демографической политики (англ. population policy), т.е. совокупности мер, предпринимаемых государством с целью повлиять на демографическое поведение людей, чаще всего, на число рождаемых ими детей, не нова. В литературе постоянно упоминается, например, древнеримский закон Папия и Поппея, имевший своей целью поощрить рождение детей у римских граждан.

В XX в. идея проведения демографической политики с целью повлиять на уровень рождаемости, приобрела большую популярность.

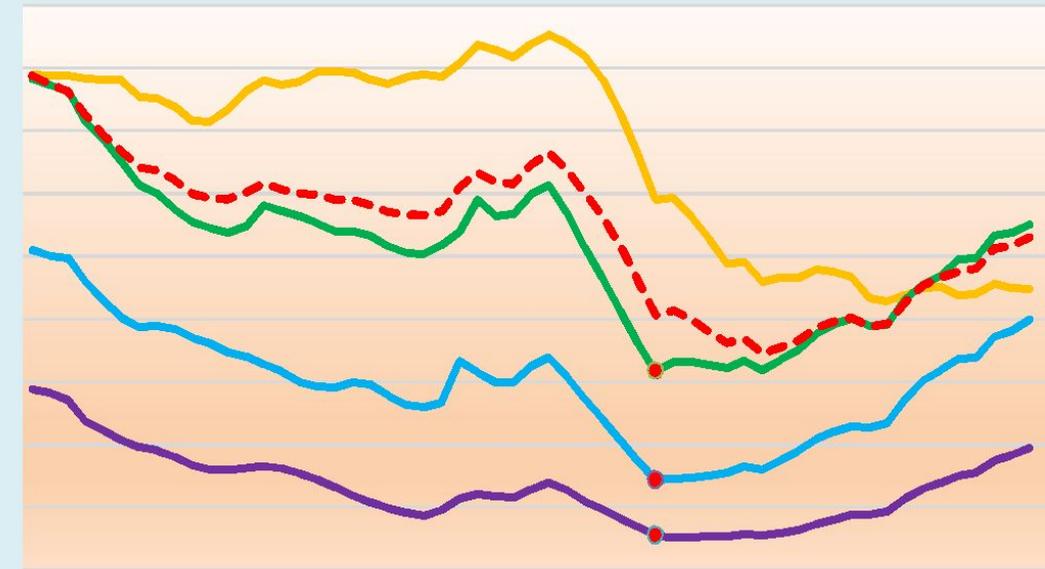
С одной стороны, на нее возлагали надежды в тех странах, где вызывало опасения падение рождаемости. В конце 1930-х годов свою приверженность пронаталистской политике декларировали в равной степени и правительство Народного фронта во Франции, и фашистские лидеры Германии и Италии.

В послевоенный период меры пронаталистской политики принимались во многих странах как Западной, так и Восточной Европы. **Результаты этих мер, как правило, небесспорны.**

Как отмечалось в исследовании их эффективности в «социалистических» странах **Восточной Европы**, «принимавшиеся меры позволили кое-где временно приостановить падение рождаемости, кое-где замедлить его, но ни в одной стране ... **не удалось добиться коренного изменения тенденций рождаемости, сделать ее уровень устойчивым**».

Демографическая политика в странах **Западной Европы** «не помешала европейской рождаемости рухнуть в последней четверти XX в.» (Vallin 2015).

В России периодом проведения активной пронаталистской политики стали 1980-е, а затем 2000-е годы. Инициаторы этой политики и широкое общественное мнение склонны видеть ее высокую эффективность.

Более тщательный анализ этого не подтверждает. Пока не произошло возврата даже к низкому уровню суммарной рождаемости 70-х - 80-х годов

Иное положение в Третьем мире, где все большее распространение получала идея проведения демографической политики, направленной на снижение рождаемости в развивающихся странах. Такая политика, реализовывалась в разных странах по-разному – иногда в жесткой форме, как в Китае, иногда в более либеральной, как, например, в Индии.

В целом, если судить по реальной динамике рождаемости в Третьем мире, эта политика выглядит более успешной, чем политика, направленная на повышение рождаемости в развитых странах.

Как соотносятся между собой демографическая политика в области рождаемости и социальное управление рождаемостью в широком смысле?

Демографическая политика - элемент такого управления, но не единственный и не самый главный.

С помощью демографической политики **государство посылает населению сигналы**, которые могут влиять и действительно влияют на поведение людей. Это могут быть экономические стимулы, меры пропагандистского характера, законодательные ограничения и запреты и т.п.

Однако **каждый человек и каждая супружеская пара, живущие в обществе, получают не только эти сигналы**. Они – лишь капля в море сигналов, которые поступают к каждому из нас, начиная с нашего рождения. Эти сигналы непрерывно посылают культура в широком смысле слова, экономическая, политическая и экологическая ситуация в стране, а сейчас даже и в мире, окружающие нас образцы поведения и т.д.

Сила демографической политики – в специфичности сигнала, его узкой целенаправленности, благодаря чему он все же пробивается сквозь гуцу других, менее специфических сигналов и не остается незамеченным. Но эту силу не следует преувеличивать.

Опыт проведения пронаталистской политики в европейских странах показывает, что такая **политика достаточно эффективно влияет на «календарь» рождений** (сигнал доходит), но практически **не влияет на итоговое число рождений** у поколений, затронутых мерами политики (сигнал слишком слаб, чтобы перевесить влияние всей совокупности управляющих сигналов, получаемых человеком от социума). В результате эффективность политики остается низкой, а иногда и просто ничтожной.

Эффективность политики зависит **не только от силы** создаваемых ею сигналов, **но и от их направленности**, от того, насколько верно понимают задачи политики ее архитекторы.

В попытках **повысить рождаемость** в развитых странах просматривается стремление противодействовать потоку сигналов социального управления, удерживающих рождаемость на низком уровне и учитывающих в своей совокупности гораздо большее число социальных детерминант, чем это доступно исследователю или политику. **Такая политика едва ли имеет шансы на успех, если только она не ставит перед собой локальные и ограниченные по масштабу и времени цели.**

Напротив, политика **снижения рождаемости** в развивающихся странах **вливается в поток сигналов социального управления, действующих в том же направлении.** И в этом случае не она определяет общий характер изменений, но она может способствовать их ускорению, сделать их менее болезненными и т.п.

Существует давний спор о том, что больше способствует снижению рождаемости в Третьем мире, - экономическое развитие или политика планирования семьи. Но это, по-видимому, ложная альтернатива. И то, и другое действует в одном направлении, **политика планирования семьи облегчает и ускоряет адаптацию общества к новым экономическим, социальным и демографическим реальностям.**

Демографическая политика – один из инструментов, как правило, вспомогательных, социального управления рождаемостью в широком смысле. Она может быть полезна, но лишь в ограниченных пределах и при ясном понимании того, какие цели она преследует, насколько достижимы эти цели и как они соотносятся с другими целями общества на данном этапе исторического развития.

Демографическая политика должна быть вписана в общесоциальную политику, охватывающую области здравоохранения, культуры, социального страхования, регулирования рынка труда, обеспечения жильем и т.п.

Одно из направлений социальной политики – **семейная политика** - поддержка государством семей, по тем или иным причинам (потеря кормильца, многодетность, болезнь, наличие в семье нуждающихся в уходе инвалидов и пр.) оказавшихся в относительно неблагоприятных условиях.

Декларируемые обычно меры демографической политики, как правило, заимствуются из уже известного арсенала мер социальной политики, хотя бывают и исключения (например, государственные награды для многодетных матерей). Но в целом и **семейная, и демографическая политика обращаются к одним и тем же инструментам**: пособия по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком, налоговые и другие льготы, доступные детские учреждения и т.п.

Разница между двумя видами политики заключается не в используемых инструментах, а в декларируемых целях. В случае семейной политики акцент делается на материальной поддержке семей с детьми, особенно малолетними, создании более благоприятных условий для воспитания детей, для совмещения родителями, особенно матерью, семейных и профессиональных ролей и пр. **Когда говорят о демографической политике, на место главного критерия ее эффективности выдвигается число рожденных детей.**

Социальная поддержка семьи обычно ни у кого не вызывает возражений. Трудности, переживаемые семьей после рождения детей, - объективный факт, и поддержка ее в этот период со стороны общества – совершенно естественное проявление социальной солидарности. Неоспорима и действенность этой поддержки, хотя, конечно, в разных странах масштабы поддержки различны.

Что же касается действенности мер поддержки семьи с точки зрения демографических критериев, то здесь дело обстоит иначе. **Период эйфории по поводу демографической политики в Европе давно прошел, и сам этот термин постепенно сходит со сцены. Его заменяет термин «семейная политика», гораздо лучше отражающий социальную, а не демографическую направленность политики.**

Контрольные вопросы и список литературы будут приведены по всей теме 3